

Этот сборник посвящается памяти
Пестряковой (Бадьиной) Марии Семеновны
(6.02.1926 – 3.12.2018)
без воспоминаний которой эта работа бы не состоялась.

Материалы собрал и подготовил к публикации

Алексей Михайлович Вертков,
научный сотрудник Березовского районного краеведческого музея

Муниципальное автономное учреждение
«Березовский районный краеведческий музей»

Тюменская область, 628140, Ханты-Мансийский автономный округ - ЮГРА, пгт.
Березово, ул. Собянина, 39

Тел.: +7(34674) 2-21-80 E-mail: museum_berezov@mail.ru

На обложке: Зауральское Приобье (карта 1970-х гг.)

Из книги Ф. Р. Штильмарка НА СЛУЖБЕ ПРИРОДЕ И НАУКЕ

Оглавление

1. Международный научный журнал «Символ науки». Мансийские и хантыйские топонимы в системе МАНЬ-ТАҢЫТ-Я (р. Мал. Сосьва), правого притока ТАҢЫТ-Я (р. Сев. Сосьва). Этимологический аспект. Слинкина Т. Д., Кашлатова Л. В.....	4
2. Упоминания Нерги и спецпереселенцев в книге К.В. Гарновского «В Кондо-Сосьвинском заповеднике 1940-1945г».....	4
3. Из книги Ф. Р. Штильмарка НА СЛУЖБЕ ПРИРОДЕ И НАУКЕ.....	7
4. Историческая справка к фонду № 56 «Светловский с/совет».....	8
5. Из воспоминаний Елизаветы Ефимовны Игнатъевой.....	9
6. Воспоминания о Нерге Клары Севостьяновны Огневой (Усольцевой).....	10
7. Мальгавка Анна Николаевна.....	11
8. Разумова (Булашова) Александра Дмитриевна.....	12
9. Воспоминания Маслаковой (Пестряковой) Галины Рюриковны.....	13
10. Воспоминания Марии Семеновны Пестряковой (Бадьиной).....	13
11. Из воспоминаний Стоматовой (Лаишевцевой) Натальи Николаевны.....	16
12. Из воспоминаний Павла Кирилловича Дунаева.....	19
13. Из воспоминаний Пашнина Ивана Михайловича.....	20
14. Шухтунгорт	20
15. Воспоминания Сусловой (Тархановой) Зинаиды Александровны.....	22
16. Пуртов Степан Антонович.....	23
17. Исследовательская работа «Шухтун-Курт – родина моя...».....	23
18. Из воспоминаний Веры Михайловны Нюхаловой (Коптеловой)...	37
19. Карты, схемы и фотографии.....	39
20. Фотографии из исследовательской работы «Шухтун-Курт – родина моя...».....	47

Посёлок Нерга [6; 7] – Нерки ~ Нярка (хант.) '(поселение) у ершового (озера)'; нерка ~ нярки (хант.) ~нирки (ср. обск. хант.) – ёрш; ершовый (~ тәрка – манс.). В 1950-х гг. это был крупный леспромхозовский посёлок с жильём барачного типа для лесорубов. Имелись клуб, больница, школа с интернатом для учащихся из дальних лесоучастков, детей коренных жителей из Ягрим-Пāvыл (п. Игрим), Аң-Я-Пāvыл (д. Анеева).

Располагался он на правом берегу ниже устья Сотэ-Юхан. На лесозаготовках работали политические ссыльные, сосланные режимные преступники, раскулаченные переселенцы, вербованные рабочие и др. (инф-т Л. А. Ендырева, п. Игрим, 2015 г.). Международный научный журнал «Символ науки». Стр. 36 <https://os-russia.com/SBORNIKI/SN-2017-9.pdf>

Упоминания Нерги и спецпереселенцев в книге К.В. Гарновского «В Кондо-Сосьвинском заповеднике 1940-1945г».

...Утром едем дальше – до Нерги. Зимний день короток, нам едва хватает его, чтобы переехать «Большой сор», болотистую пойму Оби. Она похожа на замерзшее море. Безлесные обские «сора» - это совсем особый мир, резко отличный от раскинувшейся западнее тайги. Переход от сора к тайге постепенный. Вот в сумерках показался берег неширокой таежной реки – Малая Сосьва! На берегу – с.Нерга («ерш»), несколько избушечек.

Ночуем у хантов. С большим интересом присматриваемся к ним и к их жилью. Скучно...

...Лиза согласилась довести нас до Шухтунгорта, за 40 км от Нерги...

...Ночевал в Нерге, у хантов.

«Рассвет над Нергой занимался не вдруг,

Крутила метель, завывала в трубе.

Старуха рубила мороженных щук,

Стуча, разлетались куски по избе.

Куски положила в чугунный котел,

Варила, варила, поставила “сяй”.
Потом все уселись за низенький стол,
Поели (я тоже) - и день начался.
Курили (старуха - жевала) табак,
Потом поругались слегка, не со зла.
Потом обсудили знакомых собак,
Сидели на нарах и так, по углам.
И вечер пришел, стало мутно вокруг.
Когда потемнело, коптилку зажгли.
Старуха рубила мороженных щук.
Поели, все съели и спать залегли.
И снова томился рассвет над Нергой,
Сквозь снежную муть, пробиваясь не вдруг.
Вставали, искали кiset под рукой.
Старуха рубила мороженных щук...»

...Изумительно прекрасны ранней осенью берега Малой Сосьвы ниже Нерги. Многокрасочна расцветка, палитра со вкусом подобранная, ибо в природе безвкусицы не бывает...

...Ниже Нерги не будет селений до самого устья М.Сосьвы, 150-200 км...

...На левом берегу небольшая избушка. Ее недавно наспех поставили спецпереселенцы, их отправили сюда из Березова ловить рыбу. Угрюмый неразговорчивый народ. У них три невероятно, чудовищно раскормленные собаки. Они и не глядят на нас. Черезов говорит: собаки могут так разжиреть лишь от рыбной пищи. Их откормят и прикончат – на жир. Собачий жир тут очень ценят – лучшее средство от туберкулеза.

Спецпереселенцы в большой обиде на все и вся за то, что у них недавно отобрали охотничьи ружья – по причине войны. Теперь им на

уток приходится только глядеть, а питаться изо дня в день осточертевшей рыбой, больше нечем: хлебный паек давно поеден...

...Меняются времена и нравы, но Березов продолжает играть свою незавидную роль. Сейчас место Меншикова заняли бессарабцы, оказавшиеся лишними на своей родине. Похожие на евреев чернотой своей и живостью, они кучками толпятся на рынке, галдят, продают что-то, меняют. Всем видом своим и поведением они дисгармонируют с этими деревянными домишками и холодным серым небом. Волна бессарабцев захлестнула Березов. А из кого будет состоять следующая волна?..

...Есть нечего: очень срочно уезжали из Игрима, никто не запасся едой. На пятые сутки добрались до Нерги. Несколько человек, в том числе я и Раевский, простудились и заболели. В Нерге целые сутки провели – отогревались и отъедались...

...До спецпереселенцев я добрался на другой день. Одинокая избушка на бугре, за ней настоящая хвойная тайга. Спецпереселенцы - старик и старуха, радушные, беззлобные и очень дружны между собой. Приняли свою судьбу как волю Божию и живут тут, как Филемон и Бавкида. Старик рыбачит. До войны он и охотился, но теперь ружье отобрали. Перешел на ловлю глухарей слопцами. Я был голоден как бродячая собака. А старуха вытащила из русской печи большой чугунный котел с тушеной глухарятиной. Подбавляла и подбавляла мне. Глухарятина была приготовлена на славу. Как тут было мне мысленно не вспомнить Киплинга: «И тот, кто ел из того котла, не сумеет добро отличить от зла...». От избушки стариков не очень далеко до Нягани, селения дворов в 15-20. От него до Хангакурта 90 км...

...Часа через три катер догнал нас, на нем было человек семь-восемь. Катер доставил нас до Нерги.

Прокофий остался в Нерге, а мы с Костиным сменив нашу тяжелую лодку на две хантейских лодочки, поехали каждый в своей...

...Перед ночлегом надо было ставить плот в безопасное место, чтобы какая-нибудь шальная льдина не сорвала его с привязи и не отправила бы вниз по течению в Нергу или Игрим. Но вообще-то наш путь безопасен. Вся верхняя часть Малой Сосьвы вплоть до устья Ем-

Егана нам еще не известна, но ханты говорили, что опасных порогов здесь нет. А если и есть каменные гряды, то сейчас вода высокая и все камни где-то в глубине...

Из книги Ф. Р. Штильмарка НА СЛУЖБЕ ПРИРОДЕ И НАУКЕ

Весной 1946 года Раевский отправил телеграмму Ольге Вадимовне с просьбой приехать в Хангокурт, и она стала собираться в дальний путь к умирающему брату. Сохранилось письмо В.В.Раевского от 19 мая 1946 года с наставлениями сестре, как ей лучше добраться.

“Дорогая Буля! Из-за плохой радиосвязи Хангакурта с Березовым, телеграфная переписка вышла весьма бестолковой и наверное тебя нервирующей. Состояние мое таково: из-за ограниченной оставшейся поверхности легких у меня сильнейшая одышка, не дающая возможности что-либо делать. Заправляю кровать с трудом. Одеваюсь в несколько приемов, после каждого чулка - отдых. Ходить пока могу на расстояние не больше нескольких метров. Стоять на ногах больше 1-2 минут трудно из-за нехватки дыхания. Самочувствие сидя - прекрасное, кажется... /не разборчиво/, но как стану двигаться, сразу вижу, что прикован крепко. Из Березова прихвати отхаркивающих средств побольше. В остальном - никаких других лекарств и вообще ничего не надо. При случае - чай.

В Березове я не имею постоянной квартиры и не могу тебе ничего указать, спал всегда в синем речном вокзале. В Игриме - у председателя колхоза Казиной, хотя ее мужа корчит. В Нерге остановись у Кузнецовой Анны Андреевны и Спиридона Прокопьевича или у моего лучшего друга из хантов Маремьянина Михаила Алексеевича, хотя его жена Арина ворчит. В Шухтунгорте остановись у Малистратовой Таисьи Афанасьевны, хотя она ужасная сплетница и тебе нараскажет всякого вранья, зато она очень симпатично пьет чай. Жена Костина Зоя Алексеевна Соколова жила в Сергиеве /Посаде/, когда мы там были, чуть ли не на той же улице - она приятный собеседник...

В Березове на почте спроси, есть ли кто из заповедника, когда были, когда повезут почту в Хангакурт. Задай эти вопросы начальнику связи. От нас могут быть Васильев Евгений Васильевич /сын В.В.Васильева/, бухгалтер Пальянова Мария Ивановна, фельдшер, лечащий меня, Тайсин Петр, а также Полянская Александра Степановна, добровольно взявшая на себя труд ухаживать за мной с момента обострения. Все эти люди расскажут тебе, как надо ехать.

Если никого не застанешь, то имей в виду маршрут: Березов - Игрим (ходит пароход “Шлеев”, катера и прочее). В Игриме надо обязательно

слезть (если данное судно не идет на Малую Сосву) и ждать пойдет ли какая-нибудь оказия к нам. При этом надо узнать, куда по Малой Сосве идет. Садиться надо только в том случае, если идет до Хангакурта, до Шухтунгорта (останется 150 км) или до Нерги (останется 250 км). Если катер идет до Пунги или лесоучастка, ехать без дальнейших попутчиков не надо, ибо в этих пунктах нет снабжения и оказии для продвижения дальше... Зайди в Березове в райздрав и выясни, как можно перевести меня на инвалидность. Выезд для этого в Березов исключен для меня. Ввиду большого наводнения, в Игриме тебе может быть придется остановиться в Нагорном (есть три Игрима), но там я никого не знаю, хотя возможно, что предколхоза Казина и там имеет дом" /архив автора/.

Историческая справка к фонду № 56 «Светловский сельский совет»

Пунгинский сельский совет с центром в поселке Пунга образован решением исполкома Тюменского областного Совета депутатов трудящихся № 9 от 09 января 1967 года.

В административное подчинение Пунгинскому сельскому совету перечислены населенные пункты: Пунга (выделив его из административного подчинения Игримского поселкового совета депутатов трудящихся), Нерга, Хангокурт и Шухтунгорт Шухтунгорского сельского совета.

Решением № 342 от 17.06.1970 г. исполкома Тюменского областного совета «Об административно-территориальных изменениях в Березовском районе» Пунгинский сельсовет переименован в Светловский, центр совета из поселка Пунга перенесен в поселок Светлый, зарегистрированный как вновь возникший населенный пункт в Пунгинском сельсовете, с присвоением ему наименования - поселок Светлый.

Центр Пунгинского сельского совета поселок Пунга, получивший свое название по речке «Пунга», на берегу которой был расположен временный поселок строителей поселка Светлый и обслуживающего персонала Пунгинского газопромысла.

Ликвидирован поселок Пунга в 1978 г., снят с учета населенных пунктов района в 1987 г. (решение исполкома Светловского сельского совета № 7 от 18.02.1987 г.) <http://www.admsvetlyi.ru/istoriya-poseleniya.html>

Из воспоминаний Елизаветы Ефимовны Игнатъевой.

«...До 1940 года на Нерге образовался колхоз, вот всех малососьвинских хантов собрали в одну деревню Нерга. Каждое лето моих родителей гнали в колхоз на рыбалку, то на Мухтумюхан, то в Игрим. Или всей семьей в Игрим едем, а в сентябре возвращаемся обратно в Шухтунгорт.

Все «прелести» коллективизации мы испытали на себе. Многого лишились. Бедствовали. Если было время мы с мамой ходили к Костиным (начальник ПОХа) стирать белье, мыть полы, за это нам давали ношенную одежду или тряпки. Еще менялись, если папа приносил лося или оленя, обменивал на хлеб. Хлеб нам давали по 300 грамм на человека. А когда мама отказалась идти работать в колхоз, его нам и вовсе не давали. А не поехала мама в колхоз по той причине, что было уже четверо детей и из-за парализованной матери, которую привез ей отчим.

А ведь до образования колхоза у нас был свой дом, который построили приезжие плотники, колхоз его забрал. Были у папы три лошади, и тех колхоз забрал. Пришлось нам жить в дедовом домике (Игнатъева Александра Александровича) ...А ведь у всех раньше были лабазы (амбары) для хранения продуктов, вещей. Летом хранили зимнюю одежду, а зимой – летнюю. Для одежды лабаз был на четырех ножках. У ханты было два дома: летний и зимний. Для сушки рыбы и мяса имели другой лабаз, с четырех сторон без укрытия, чтобы продувался ветром и был доступ свежего воздуха. Верх крытый (от дождя и снега). Очень удобно иметь такие лабазы. Чтобы дети не проказничали, лестницу убирали или переворачивали ступеньками вовнутрь. Чувал (глиняная печка) был до потолка, возле него лежали дрова. Для выпекания хлеба была другая печка, которая стояла на улице. Строили ее из глины, песка, озерной травы. Низ был из бревен высотой 1 метр, дно печки засыпали песком, заливали смесью из глины и песка. Верх делали из обручей, сделанных из веток

черемухи, обмазанных глиной, песком и травой. Топили 1 час, полтора часа. Затем выпекали хлеб, рыбу, варили пищу. Печь была огорожена от коров, лошадей. Так же в избушке был стол, стулья, посуда, нары с пологом. <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2014/03/18/shukhtun-kurt>

Воспоминания о Нерге Клары Севостьяновны Огневой (Усольцевой).

Начну с того, что в мае 1960 г. я вышла замуж. В те годы уже проводились поисковые работы. Искали нефть и газ. В Ванзетуре поселилась сейсмопартия, муж мой там работал. У сейсмиков сезонная работа. Отработали свое и переезжают в другое место. Вот и я с мужем работала в сейсмопартии в нескольких местах. Так и попали мы в Нергу (на Малой Сосьве). Надо сказать, что это, вообще «медвежий угол». Там был один жилой дом, жила семья ханты, а может быть манси. Был еще один пустующий дом, не подлежащий для жилья. Наши сейсмики его подлатали и сделали контору. А для жилья рабочих строили временное жилье, бараки, жили и в балках. Топографический отряд рубил просеки. Были случаи, что в их стоянку наведывались медведи. Распознавали вкус сгущенки и тушенки. Банки помяты, не столько съедено, сколько попорчено. Романтики хоть отбавляй. Транспорт до сейсмопартии был: вертолет, гидросамолет, самоходки с баржами. Край богат рыбой и дичью, ягодами, грибами. В Нерге мы прожили с осени и до лета, следующего года. Опять переехали на другие площади.

МАЛЬГАВКА Анна Николаевна.

Родилась 16 марта 1927 года в деревне Новонедфьево Тобольского района.

В годы войны в Ханты-Мансийске вместе с мамой скоблила тал для лошадей горкомхоза, летом в колхозе «Реполово» заготавливала силос, в 1943 году проработала лето на опытной сельхозстанции. В 1947 году, после окончания Ханты-Мансийской ФАШ, была направлена в Березовский район, оттуда

— в Юрты Нерга. Юрты находились далеко от центра, летом туда

можно было доехать на лошадях, а зимой — на лыжах. Однажды чуть не замерзла по дороге: сопровождающий ушел вперед, а она отстала. Покатившись с горы, упала и не могла подняться, т.к. была без лыжных палок. Сопровождающий дошел до Юрт, согревшись и попив чая, пошел искать, так осталась жива.

Через 3 года перевели в Люлюкары, там вышла замуж. В 1955 году перевели вместе с мужем в Новинский фельдшерский пункт. Там проработали до 1961 года. Переехали в Берёзово, стала работать в роддоме. Проработала там недолго, по состоянию здоровья перевели фельдшером в здравпункт рыбокомбината. В 1963 году прошла специализацию по дермато-венерологии. Проработала 25 лет в кожно-венерологическом кабинете, из них 7 лет работала без врача.

Анна Николаевна — победительница соцсоревнования, занесена в Книгу Почета за долголетний безупречный труд в здравоохранении Березовского района. В 1989 году присвоено звание «Почетный житель поселка Берёзово». Награды: медаль «Ветеран труда», юбилейная медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Вырастили и воспитали с ним троих детей. Всем дали образование. Умерла.

<http://молодежь-югры.рф/index.php/oni-kovali-pobedu/okp-berezovskij-rajon>

РАЗУМОВА (Булашова) Александра Дмитриевна.

Родилась 1 ноября 1931 года в поселке Берёзово Тюменской области. Родители были репрессированы, не по своей воле приехали из Тобольской губернии в июле 1931 года. Привезли их в тайгу, в 250 км от Игрима, там строили все вручную, деревня эта — Нерга. Школа была с 1 по 4 класс, учиться в 5 — 7 классах ездили на гребях в Игримскую школу. В колхозе помогали со 2 класса: скоблили тал (норма была 3 кг), собирали и резали хвоц, садили картофель, пропалывали овощи. В Игриме для школы заготавливали дрова, осенью укладывали селедку, грузили соль.

Окончив в 1951 году ФАШ в Тобольске, по распределению 5 лет проработала в Викуловском районе. В 1956 году работала в Пугорах, потом направили в Тутлейм ликвидировать трахому (1957—1962 годы). С 1962 года работала фельдшером в Похrome. С 1964 до выхода на пенсию в 1988 году работала в Берёзове школьным фельдшером, в детской консультации.

Отмечена различными благодарностями. Награды: медаль «Ветеран труда», юбилейная медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

Вырастила сына и дочь, есть внуки. Умерла.

<http://молодежь-югры.рф/index.php/oni-kovali-pobedu/okp-berezovskij-rajon>

Булашов Константин Павлович, 1879 г., жена – Марфа Афонасьевна, 1880 г., умерла в 1942 г.; дети: Анфиза, 1908 г., Глафира, 1913 г., Павел, 1924 г., Александр, 1925 г., сын Анфизы – Булашов Александр Дмитриевич, 1931 г. В 1930 г. раскулачены и высланы по классовому признаку из Байкаловского района, Тюменской области в Березовский район, Тюменской области. В ссылке родился сын Анфизы – Булашов Юрий Ильич, 1938 г. Реабилитированы УВД Тюменской области 09.07.1997 г.

https://72.мвд.рф/gumvd/structure/app_guvd/Informacionnij_centr/Reabilitirovannie_lica/B

Булашова Анфиза Константиновна (варианты фамилии: Булашев) Родилась в 1908г., Булашова Байкаловского р-на Тюм.Обл.; русская; Проживала: Булашова Байкаловского р-на Тюм.Обл..Приговорена: в 1931 г. Приговор: спецпоселение - Березовский р-н Тюменской обл, осв. 22.02.1954 Реабилитирована 9 июля 1997 г. Сын Булашов Юрий Ильич, родился в д. Лапоры 7.02.1938 г.

Воспоминания Маслаковой (Пестряковой) Галины Рюриковны.

Все, что я здесь описываю, я запомнила с рассказов очевидцев – моей бабушки, мамы и ее сестер.

...Семья моего деда Семена в составе: он с супругой и двумя детьми Марией, четырех лет (моей матерью), и Клавдией, 3 месяцев, «раскулачили» и выслали из ст. Наваринской 5 марта 1930 года...

Летом 1932 года их отправили в Нергу. В Нерге они прожили 2 года. В сентябре 1934 г. барак разобрали, а поселок закрыли. От него оставили только большое кладбище. Соорудили плоты и доехали до Игрима...

Воспоминания Пестряковой (Бадьиной) Марии Семеновны.

...После было переселение в Шайтанку, где нас временно поместили у стариков Бабиковых. Отец вырыл землянку, в которой мы пережили первую северную зиму. По теплу всех переселили в бараки. Мы жили в одной половине (6х6) с Пилинцовыми (4 чел.), Лаишевцевыми (Николаем и Таисьей) и их маленьким сыном Гришей и татарская семья: Татарин, его 3 жены, 2 сына и дочь.

Помню, дочь звали Сабира. Она была красивая и добрая. Один раз из лучин сделала мне куклу, нарядила ее и подарила мне. А у нас была кукла с фарфоровой головой и 2 коровы (из папье-маше) но мама нам играть их не давала, берегла.

(Сабира и Старик умерли в Нерге в 1934 г. от голода).

Помню, что отца угнали в Нергу, а затем и нас к нему привезли.

Жили там 2 года до 1934. Погрузили на плашкоут с коровой и повезли в Нергу. В Нерге очень много умерло, в основном из-за голода.

Помню поселок Нергу. Крутой, обрывистый берег реки. Новенькие бараки. Даже тротуарчики. Бараки сделаны на совесть. Бревна гладкие, обструганные. Много кедров и черемухи. Отца не было. Он был на рыбалке. Встретила я его вечером на следующий день. Здесь же в Нерге родилась и умерла сестра Зоя.

Мы приехали в Нергу с коровой (коровы были у нас и у Братцевых, 2 на весь поселок).

Корова была нашей кормилицей и спасительницей и если мы в Нерге выжили, то только благодаря ей.

Я не знаю, какой давали тогда паек, но хлеб печь было не из чего, мама 3 раза в день варила нам затируху, приправляя её молоком.

Отец приносил с рыбалки в берестяном туюске рыбы кости, а иногда под костями были упрятаны вареные ерши. Кости мама сушила и толкла и смешивала их с мукой. Кору березы и мох мы ели мало, а вот Пилинцовы ели. Я до сих пор помню лицо тетки Анны (в последствии, когда в Лапорах у нас появилась картошка и мы ели досыта очень моложавое и миловидное) а тут серое, с какими-то очень похожими на мох волосами.

В Нерге мы жили в бараке на 2 семьи: мы и Шеметовы.

Помню, что там я как-то самостоятельно узнала буквы и научилась (по буквам) читать.

Изредка нам приходили посылки от деда и т. Клавы (маминой сестры), правда иногда наполовину пустые. Оказывается, голодала в те времена вся Россия, но об этом я узнала позднее.

Время от времени по ночам выборочно проводились обыски (нас ни разу не обыскивали), забирали все запасы, если они имелись.

Весною 1934 года в Нерге умерло 60 человек взрослых. Умирили целыми семьями. Летом 1934 г. отравилась какими-то сладкими болотными корнями целая группа: в том числе отец Лаишевцев и его сын Антон, Гредяевы (муж и жена), у них остался парень (погиб в Отечественную) Гредяев Петр – брат Низовцевой Зои.

2817. Гредяев Иван Дмитриевич, 1897 г., жена – Анастасия Афанасьевна, 1896 г., дети: Петр, 1919 г., Вера, 1921 г., Мария, 1924 г. В 1930 г. раскулачены и высланы по классовому признаку из Троицкого района, Челябинской области в с.Березово, Тюменской области. Реабилитированы УВД Челябинской области 12.11.1992 г. https://72.мвд.рф/gumvd/structure/app_guvd/Informacionnij_centra/Reabilitirovannie_lica/G

Из Нерги нас увезли глубокой осенью 1934 года. Сломали дома во всем поселке, соорудили плоты, погрузили на них семьи с их пожитками и вывезли.

Помню, как в Нерге мы, маленькие девчонки, в отсутствии взрослых на коленах перед иконой молились у Шеметовых, чтобы Бог помог нам уехать «домой».

Перед отъездом из Нерги многих снова трянули: обыскали на плотях, отобрали запасенные орехи и т.д.

Отца в это время с нами не было, он рыбачил в Нерге. Летом 1932 года и нас на плашкоуте привезли в Нергу, где уже был отстроен поселок, работали школа и клуб. Зима и весна следующего года случились голодными, умерло сразу 60 человек.

В Нерге мы жили в бараке с семьей Шеметовых. Их дочь Аня училась в школе, и она нам показывала, как пишется печатные буквы. Осенью 1934 года дома разобрали, сделали плоты и нас на плотях, уже в середине сентября, повезли вниз по течению Малой Сосьвы. Никто не знал, куда и зачем нас везут, но перед отплытием устроили обыск. Что искали — неизвестно, а кедровые орехи отобрали. До Игрима мы плыли три недели, от Игрима до Ванзетура нас доставили на неводниках, причаленных к катеру. С нами была наша кормилица и спасительница корова Белянка. Но сено осталось в Нерге, и родителям пришлось по снегу заготавливать корове корм...

...Летом 1932 года нас катером отправили в Нергу. Добирались до нового места назначения 8 суток – с 27.09 до 5.10. Все годы наших скитаний мы жили в нищете и голоде. Правда, нам помогли папины родители – выслали денег на покупку коровы. Мы купили ее на двух хозяев (с Таскаевыми). Затем купили другую корову, и мы нашу Белянку перевезли в Нергу. Она-то и спасла нас от гибели. Времена были тяжелые: от голода и болезней вымирали целыми семьями. Осенью 1934 года нас погрузили на плоты (разобрали все дома в поселке) и отправили до Ванзетура. Землю покрыл снег, появились забереги, по реке плыла шуга, а сено осталось в Нерге. Родители по снегу накосили сена и корову спасли...

...В Нерге папа однажды взял меня на рыбалку. Плыли мы с ним на маленькой лодке-калданке. Проверяли сети. Варили уху. Поселок Нерга находился в лесу и был мрачный. А тут – столько света, такое раздолье. Тихая неподвижная гладь реки и озера. Деревья и кусты, отражающиеся в воде. Все так красиво! Перетаскивал папа калданку на озеро. Там тоже стояли сети. Папа поймал мне утенка, но я его не удержала. Утенок нырнул в воду реки и не вынырнул. Было так его жалко...

Однажды, в Нерге, отец взял меня с собою на рыбалку. Мы ехали в калданке, помню, что места были диковинные. Погода стояла тихая, в реке отражались живописные берега М.Сосьвы. Мы несколько раз вылезали из лодки и папа тащил её волоком по земле в другую речку. Ставим сети. В одну из них попал утенок. Отец привязал к шее утенка ниточку и дал мне его поиграть. Но утенок вырвался из моих рук и нырнул в речку. Так он и не всплыл, видимо, зацепился за что-то ниточкой.

...В Нерге у меня на руках появилось множество бородавок. Увидела их бабушка Смирных и позвала меня к себе домой. Она взяла суровую нитку и начала завязывать на ней узелки. Бородавки исчезли...

...Осенью приехал из Пуйко папа, но в 1936 его отправили рыбачить в Нергу. Папа там летом убил лося, засолил его, и зимой мы ели супы из лосятины. Мясо было очень жирное...

Из воспоминаний Стоматовой (Лаишевцевой) Натальи Николаевны.

Мои родители: Лаишевцев Николай в возрасте 22 лет и Лаишевцева Таисия Яковлевна 21 год были раскулачены и вывезены из пос. Наваринка в 1930 г. 5 марта. В то время у них было уже две дочери: Таисия 2,6 года и Анастасия 11 месяцев.

Когда вскрылась река, их погрузили на пароходы и повезли вниз по Оби. Довезли до Шайтанки и там расселили по квартирам, по 2-3 семьи в комнате, а семьи были не маленькие, по 6-7 человек. Мужчин отправили на рыбалку и корчёвку леса. Прожили лето. Осенью дед предложил своим сыновьям, моему отцу и

двум его братьям строить землянку, уже начались заморозки. Дед расчертил план, и начали вырубать пласты земли, их аккуратно складывали в стороне. Выкопали 1-1,5 метра земли, оставили место для печки, не копая. В лесу заготовили брёвна, обложили низ тёсом и положили небольшой сруб. В Берёзове купили две рамы. Наверх набросали плотно жердей и закрыли пластами земли. Печку сложили из глины, замешивая её прямо в вырытой для землянки яме. На то место, где должна стоять печь, положили вязанку дров и стали лепить печь по вязанке дров. Вывели трубу и настелили пол. Когда печь просохла, затопили печь, дрова горели и обжигали глиняную печь. Так вот и построили свою землянку к зиме.

Не дожидаясь, когда просохнет печь, перешли в свой угол. Землянка получилась просторной и большой. Сделали нары, столы и стали обживать. Но одни жили не долго, вскоре перешли к ним Бадьины – Семён Яковлевич с семьёй, а затем Пилинцов Иван Антонович. Это были тоже наваринские переселенцы. С Бадьиными прожили всю ссылку вместе.

В этой землянке родился мой старший брат Григорий. Весной, в 1932 году их перевезли в Нергу, и там начался страшный голод. От непосильного труда и голода люди умирали. В 1932 году умер мой дед Семён Степанович. Ему было 52 года. В это же лето умер и младший брат отца Антон.

Мама рассказывала: «Они копали целину. Дали всем по метру в ширину. Дед отставал. Они оставляли ему всё меньше и меньше. Он не мог копать и шириной в одну лопату. Положили лопаты, и пошли в лодку. Антон его оставил в лодке и бегал, смотрел, жив он или нет. Дед дожид до вечера. А вечером мама кормила его с ложки, он не мог держать даже ложку, у него не разгибались руки. Он плакал: «До чего я дожид, ты, Таечка уже с ложки меня кормишь». Вскоре дед умер, мама была дома одна.

В это лето отравились отец и его брат Антон. Они поехали на рыбалку. С берега их окликнули знакомые, они тоже рыбачили, и бросили им в лодку три корня, сказав, что корни очень вкусные, походят на морковь. Отец съел один большой, а брат два маленьких корешка. Через некоторое время почувствовали себя плохо. Когда возвращались, увидели, что

женщина уже мертва, а мужчина стоит, держась за дерево, и пинает её. Когда вернулись домой, отец сказал маме, что они отравились, а те, которые дали им корни, уже мёртвые. Мама стала отпаивать отца молоком. И все жители Нерги у которых были коровы отпаивали молоком. А брат, ему было всего 16-17 лет, не пил молоко, сжав зубы, когда его пытались напоить. Потом его стало ломать, трясти, отбрасывало от пола на полметра, поворачивало вверх ногами, так его ломало и бросало, он становился не управляемым и диким. Увезли его в больницу, в Берёзово, он умер через неделю. Похоронен в Берёзово. А отец выжил, но страдал от этого отравления всю жизнь, не мог ни есть нормально, ни спать. Когда засыпал, его так же начинало ломать и выворачивать руки. Он, чтобы не волновать маму, уходил на чердак и там работал всю ночь, делал топорище или ручки к ножам, то есть занимался, чтобы руки его слушались.

Когда брату было три года, их повезли на новое место. Осенью приехало начальство, и всех заставили ломать бараки, в которых они жили, вязать плоты, выносить пожитки. Люди сделали какие-то запасы: ягоды, грибы, орехи, соленья. Всё это составили на плоты, но все выставили на берег, очистили сундуки, забрали все запасы, всё выгребли и только потом разрешили грузиться на плоты.

Отец в это время был на рыбалке, где-то на Пуйке. Мама выезжала из Нерги с трехлетним сыном и со свекровью. В то время у них была уже корова, купленная на две семьи, вместе с Пилинцовым Иваном. Он хотел забрать корову и погрузить на свой плот, но мама не дала, сказав: «Корову я не дам, так как у меня маленький ребёнок, без молока он погибнет. Берёте корову, берите и меня на плот». Пришлось им потесниться. Так она поплыла на плоту за мужчину, управляя шестом. По реке Северной Сосьве спускались вниз, было много поворотов, коряг и наваленных деревьев. Мама трижды тонула. Один раз её сбilo шестом, она упала в ледяную воду, просила Пилинцева Ивана подать ей руку, помочь вылезти из воды. Он не помог, сказав: «Замочишь мне рукавицы». Так она выбралась сама, мокрая, обледеневшая, переделалась и опять на свой пост. Все пожитки были на плоту, был сделан балаган, там же на плоту

располагалась и корова-кормилица. Иногда останавливали плоты у берега и ночевали на берегу. Разгребали снег, на этом месте разводили костёр, и когда земля оттаивала и нагревалась, стелили на это место постель и накрывали пологом. Так и ночевали в лесу, на берегу среди тайги и снега. Второй раз тонула, когда выносила постель на берег, края у плота обледенели, она поскользнулась и упала в воду. Хорошо, что не уронила в воду постель, то и спать было бы не на чем. Это было у берега, и она выбралась сама. В третий раз, когда она пошла, доить корову. Тут уж она не выдержала и расплакалась. Бабушка её успокоила, помогла переодеться, напоив её горячим чаем, уложила в балаган. Однажды, когда они, как бурлаки, тянули бичевой свои плоты по крутому берегу, мама, внизу на реке, увидела лодку. В лодке сидел какой-то человек, смотрел вверх на людей и улыбался. Мама думала, что это хант, но это оказался отец в чужой одежде, так как вся его одежда сгорела в балагане, а они успели, выскочили, в чём были. Поэтому мама его не узнала. Теперь ей стало легче, так как плотом стал управлять отец.

Когда выплыли из Северной Сосьвы на большую воду Оби, начался шторм, волны захлёстывали плоты. Подошёл катер, стали кричать рубку, чтобы отдали детей, так как все могут погибнуть. Мама спросила у бабушки: «Что будем делать, отдадим Гришу?» Бабушка ответила: «Тонуть, так тонуть всем вместе, что он останется сиротой, ничего хорошего.» Затем подошёл ещё один катер и детей с родителями переправили в трюм, а мужчины остались на плоту. Плот подсоединили к катеру, и он поплыл до места назначения. Так они добрались до своего последнего пристанища посёлка Лапоры, моей родной деревни, моей «малой родины». В пути они были целый месяц.

Из воспоминаний Павла Кирилловича Дунаева.

Ниже (по течению Малой Сосьвы) национального поселка Нерга был лагерь военнопленных, а до них спецпереселенцев. Если на лодке проезжали, запрещено даже было выходить на берег в этом месте. Бараки стояли. Сейчас все заросло там.

Из воспоминаний Пашнина Ивана Михайловича.

...мы этой маленькой кучкой жили много лучше других больших поселков, где люди сотнями умирали с голода, как в Перегребном вымерло 800 человек от голоду и цинги, и в Нерге то же...

...В 1936 г. к нам в Лапорской поселок переместили Нергинский поселок, дома пустые были все заполнены. В одной комнате жило две и три семьи, стало тесно. Нергинцы привели двух незавидных серых кобыленок, одной кличка была сорока, а вторая Тырданиха.

Жили плохо.

К западу от левого берега в среднем течении Мāнь-Тāгт ниже устья р. Узюм-Юган и оз. Святой Сор в недалёком прошлом располагалась д. Шухтур-Горт ~ д. Шахтур-Горт [4; 6; 7] (нежил.). В записи хантыйского Международного научного журнала «Символ науки» № 09/2017 ISSN 2410-700X 39 художника М. А. Тебетева ойконим значится как Шухтуң-Көрт (ср. обск. хант.). Он в 1932г. учился здесь в школе-интернате [15, с. 101]. В поселении имелись клуб, почта. В списке Б. Мункачи он значится как Sūxtèrp. [9, с. 440, №4] – от Сūхтэр Пāвыл (обск. манс.) ‘деревня Сухтэр’. В д. Шухтунгорт в 1868-1869 гг. в списках по переписи состояло 3 хоз-ва, жителей 36 человек. В 1926 г. в списке было 4 хозяйства, 17 жителей (9 ханты, 8 манси) [14, с. 69]. По версии информанта Лысковой Анны Никитичны (д. Мулигорт, 1998 г.) ойконим Шухтуң-Көрт [15, с. 101] ~ Шухтын курт [16, с. 105] переводится как ‘свистящая деревня’; шухты – свистеть, көрт – деревня. Бывшая жительница поселения Е. Е. Игнатьева поведала, что название дали по имени богини Шухтыр Нāй, ‘Святая покровительница в образе глухарки’. Тогда Шухтуң-Көрт ‘деревня (Святой покровительницы) Шухтыр-Най’. В деревне жил род Игнатьевых, основным их занятием была охота. В советское время здесь располагалось «Промыслово-охотничье отделение» Березовского «Коопзверопромхоза». На звероферме выращивали чёрно-бурых лисиц. Когда произошла ликвидация отделения, звероферму перевезли в деревню Полноват Березовского района (ныне часть Белоярского района). Переселили и сотрудников хозяйства (инфт Е. Е. Игнатьева, п. Светлый, 2017 г.). Кордон «Шухтунгорт» находился рядом с деревней на левом берегу в

среднем течении Мāнь-Тāгт ниже оз. Святой Сор. В 1950-1960годах здесь располагались школа, клуб, метеостанция, почта, телеграф, музей природы, созданный коллективом заповедника.

<https://os-russia.com/SBORNIKI/SN-2017-9.pdf>

Шухтунгорт – бывшее поселение хантов. До 1939 года здесь размещалась центральная усадьба Кондо-Сосвинского заповедника, впоследствии - Шухтунгортская промыслово-охотничья станция и звероферма (сохранились отдельные строения). http://m-sosva.ru/?page_id=583

Заповедник "Малая Сосьва" является преемником Кондо-Сосвинского государственного заповедника, существовавшего с 1929 по 1951 гг. на площади около 800 тыс. га.

26 апреля 1929 года вышло постановление Коллегии Наркомзема РСФСР об организации Северо-Уральского государственного боброво-соболиного охотничьего заповедника. С начала 30-х годов он стал называться Кондо-Сосвинским. Его территория составляла площадь около 800 тыс.га., и находилась в центральной части Советского района.

Он был одним из первых заповедников России, первым заповедником в Западной Сибири и Тюменской области. Заповедник был создан с целью сохранения типичного промыслового комплекса западно-сибирской тайги и восстановления охотничье-промысловых животных северо-запада Сибири.

По своим естественным богатствам территория заповедника представляла собой один из лучших участков Западно-Сибирской равнины. Главными объектами охраны и изучения Кондо-Сосвинского заповедника являлись два ценнейших охотничье-промысловых зверя – соболь и речной бобр, с которыми и связана история его создания. Фауна заповедника отличалась большим разнообразием как в видовом, так и в количественном отношении. Список млекопитающих составлял 44 вида, птиц –158. Тематика научных исследований первых лет работы заповедника была зоологическая.

Заповедник представлял огромный резерват, из которого в окрестную тайгу расселялись ценные охотничье-промысловые животные. Вокруг границ заповедника образовалось несколько производственно-охотничьих станций, которые давали государству только соболей более 1000 шкурок ежегодно. Вся деятельность, имеющая для большинства заповедников того времени охотхозяйственный уклон, проводилась под руководством организатора и первого директора СУГОЗа В. В. Васильева.

В годы его работы директором (1929-1938 гг.) были развернуты научные исследования, выполнены большие работы по изучению лесных угодий, строительству жилых и служебных помещений, прорубке конных и расчистке оленьих дорог. Несколько первых лет управление заповедника находилось в поселке Шухтунгорт, в 60 км. от его северной границы.

С 1939 года началось строительство новой центральной усадьбы – поселка Хангокорт, расположенного в 5 км от заповедной границы. За короткое время здесь построили добротное жилье, административное здание. Коллектив заповедника работал в крайне сложных условиях. Все снабжение заповедника осуществлялось только по Малой Сосьве через Игрим и Березово. Путь в заповедник из Омска или Тюмени занимал почти месяц, а сообщение со стороны Урала было возможно только зимой. http://m-sosva.ru/?page_id=133

Из воспоминаний Сусловой (Тархановой) Зинаиды Александровны.

Маму, Тарханову Александру Степановну, она с 1925 года, из Саранпауля отправили, не знаю в каком году. Она фельдшером работала всю жизнь. На фельдшера мама училась в Тобольске. Шухтунгорт красивый поселок был. Я первый класс закончила в Шухтунгорте, Молчанова Мария Семеновна учительница. Школа была на втором этаже, деревянная, печка железная. Хорошо было учиться - учеников-то было три да два. Маленькая я была. С горки мы катались на лосиных шкурах, весело. Там такая гора крутая, мы с горы. Шухтунгорт на этой стороне, Нерга на этой стороне, через речку, через узенькую. Тоже в гору же, лес такой, высокий. Это я помню, такой темный лес, елки большие. В Нерге я не была, только видела,

что через речку ездили охотники на охоту. Там охотники охотились, избушки их, деревня глухая.

Передвигались на собаках, нарты. Оленей или лошадей – этого не было. Упряжки небольшие были, не как сейчас показывают. Татьяна Аксенова, она за мной присматривала, нянчилась, когда мамы нет, она тоже на собаках ездила из Шухтунгорта в Нергу.

В Шухтунгорте тоже была звероферма, лис держали.

Пуртов Степан Антонович

Год рождения: 1880.

Место рождения: д. Субботино, Омутинский р-н, Омская обл.

Национальность: русский.

Образование: начальное

Профессия: плотник

Место раб., долж.: плотник

Дата ареста: 23.12.1932

Место ареста: д. Шухтунгорт, Березовский р-н, Уральская обл.

Дата осуждения: 21.03.1933

Обвинение: АСА

Приговор: спецссылка в Березовский р-н

Реабилитирован: Прокуратура Пермской области, 11.09.1989

Архивное дело: ПермГАНИ. Ф.641/1 *. Оп.1. Д.1572.

<http://pmem.ru/index.php?id=1340>

«Шухтун-Курт – родина моя...»

Исследовательская работа Д. А. Елохиной и Т.В. Гуденко, научный руководитель – Е.И. Муковнина, социальный педагог МБОУ

Светловская СОШ. Доклад - исследование по истории населенного пункта Октябрьского района п. Шухтун - Курт, на основе биографических очерков, изложенных в личном дневнике жителя данного населенного пункта – Игнатъевой Елизаветы Ефимовны (20.01.1932 года рождения). Доклад выступления на V Березовской районной детской краеведческой конференции «От краеведения к краелюбию». Работа приурочена 75-летнему юбилею Октябрьского района.

План.

1. Введение.
2. Краткая биография Игнатъевой Елизаветы Ефимовны.
3. Детство.
4. Период коллективизации.
5. 1940 год.
6. Тяжелые годы ВОВ.
7. Голодные послевоенные годы.
8. Работа на звероферме.
9. Заключение. Род Игнатъевых. Правда или вымысел?

Введение.

Данная работа строится на основе воспоминаний Елизаветы Ефимовны Игнатъевой, уроженки деревни Шухтун-Курт, ханты по национальности, которые она изложила в своем небольшом автобиографическом дневнике.

В воспоминаниях она рассказывает о жизни своей семьи в Шухтун-Курте, обращает внимание на особенности и тяжелый быт народов ханты, на взаимоотношения с переселенческим населением, о тяжелых годах коллективизации, годах ВОВ и о периоде восстановления после войны.

«...Жизнь проходит, воспоминания берегут душу, на закате жизни все чаще хочется вернуться в прошлое, вспомнить родителей, дорогие душе места. Хочется попасть в детство, которое было счастливым, не смотря на то, что жизнь протекала в тяжелые исторические моменты, в смутные времена. ...Вспоминаю голодные годы, когда мы были лишены многого. Но все равно это были самые лучшие и счастливые годы – годы детства, юности. Это было время надежд на лучшую жизнь, время, когда жизнь беспрестанно наносила

удары, но мы не чувствовали их, потому что родительская любовь перекрывала все невзгоды и беды...», - пишет Елизавета Ефимовна.

Только, к сожалению, вернуться в родные места уже невозможно. Шухтун-Курт отжил свой век, люди покинули свои угодья и дома, жизнь разбросала всех, наделила разными судьбами. Многих уже нет в живых. Молодежь мало знает об истории родного края и все меньше людей остается рядом с нами, которые могут приоткрыть завесу прошлого. Но пока мы помним и говорим о малой родине, она будет жить в наших сердцах, на страницах писем, на старых пожелтевших фотографиях, в исторических очерках, книгах. Мысль об этом греет душу. Хочется верить, что заметки этого автобиографического дневника помогут воссоздать, еще немного дополнить историю Шухтун-Курта, такого маленького, затерянного в тайге, но не оставшегося в стороне в тяжелые годы Советского Союза, испытавшего все преобразования и горести нашей страны. Хочется показать жизнь, быт народов ханты и манси изнутри, из души личного дневника. Пусть это будет несколько исторических страничек обычной жизни, простого трудящегося человека, скромной единички интересного, самобытного народа. «...Посвящаю свои скромные заметки моей малой родине, моей родной земле – Шухтун-Курту, моим дорогим родителям. Людям, которые там жили, вспоминают, интересуются этим уникальным в своем роде уголке земли... и, конечно же, своим детям, внукам и правнукам. Может быть, мы не уйдем бесследно...» - размышляет Елизавета Ефимовна.

Краткая биография.

**Где пропеты песни мои, пройдены тропинки
и изъезжены все озера Малой Сосьвы –
родной мой Шухтунгорт, родные мои места.
Очень, очень жалко, что Шухтур-Курт опустел...**

Е.Е. Игнатьева

«Я, Игнатьева Елизавета Ефимовна, родилась в д. Шухтунгорт Березовского района Тюменской области Ханты-Мансийского округа. (д. Шухтун – Курт, Октябрьского района Омской области, Остяко-Вогульского округа Шеркальского с/совета. Ныне – Анеевский с/совет.

«Дата рождения записана в документах по моим словам, т.к. мои документы были утеряны. Родилась где-то в мае 1932 года».

Мои родители:

Отец – Игнатъев Ефим Александрович. Приблизительно 1893 – 1896 года рождения. Точная дата рождения неизвестна. По национальности ханты. Занимался рыбалкой, охотой. Отец умер – 18 января 1958 году.

Мать – Игнатъева (Нюлякова) Мария Ивановна 06.10.1915 года рождения, уроженка д. Шеркалы. Отец – местный житель д.Шухтунгорт. По национальности ханты. Умерла в 1978 году.

В семье у нас было 8 детей, я – старшая.

Из ханты в Шухтун-Курте жили мы: мой папа, мама и мы (8 человек детей).

Еще жили папины сестры: Игнатъевна Анна Николаевна, Игнатъева Евдокия Николаевна. Дед Игнатъев Петр Иванович, бабушка – Игнатъевы Парасковья Ивановна. У Анны Николаевны было трое детей: 2 сына (Петр и Дементий), дочь, которая живет в поселке Шеркалы Октябрьского района ХМАО-Югры, Юдина (Игнатъева) Мария Николаевна (ныне умершая). В 1968 году летом Анна Николаевна и Евдокия Николаевна были вывезены в Шеркалы.

Вот так род мой исчезает. Опустели Шухтункурт, Хангакурт, Тунзенкурт – не живут в них ханты, манси. Всех судьба разбросала...

В Шухтунгорте проживали несколько семей Игнатъевых.

Нюрух-Юм – от Тунзингорта на малой Сосьве, на истоке Нюруха и далее на Арантур угодьем владели Игнатъевы из Шухтунгорта и заброшенного Теускурта. (см. приложение №1).

В 1948г. я закончила 4 класс в Нергинской начальной школе, Березовского района, Тюменской области. Затем поехала в Березово продолжать учебу в школе (осенью 1948 года по большой воде учеников с Хангакурта, Шухтунгорта, Нагагорта, Нерги на теплоходе «Петр Шлеев» повезли в Березово). Часть учеников была с Нерги, их вывезли в Игрим. В 1948 году Нагорного Игрима не было, был Игрим-ледник.

В Березово была школа колхозной молодежи. Жили в интернате по улице Сенькина, в котором проживали дети даже с 1924 года рождения. Березово в то время был небольшим поселением. Проживали преимущественно зыряне, татары и сосланные, которых было много. Директором интерната был Мотошин Петр Алексеевич – фронтовик. Директором был непродолжительное время, т.к. вследствие тяжелых ранений весной 1949 года скончался.

В 1950-51 году я закончила 7-ой класс.

В 1955 году родила сына Сергея, поступила на работу в детские ясли п.Березово. Проработала до 1957 года. Поступила в Ханты-Мансийское медицинское училище, которое пришлось бросить по причине болезни родителей. Нужно было помогать поднимать на ноги младших братьев и сестру. Сестра Валя в это время училась в г.Ханты-Мансийске в педагогическом училище.

В 1957 году вернулась в Шухтунгорт.

В 1967 году переехала жить в Полноват.

С 1998 года живу в п.Светлый.

Родила 3 дочерей и одного сына (погиб в 25 летнем возрасте).

Имею 5 внуков и 4 правнуков.

Детство.

В детстве часто я жила с бабушкой на Нагагорте. В доме была двухъярусная кровать (нары). Вверху спал дед – Марсынов Роман Сидорович, а мы с бабушкой спали внизу. Приезжие спали на полу. В Нагагорте жили пять братьев Марсыновых. У всех были дома, построенные плотниками-наемниками. У всех были лабазы (амбары) для хранения продуктов, вещей. Летом хранили зимнюю одежду, а зимой – летнюю. Для одежды лабаз был на четырех ножках. У ханты было два дома: летний и зимний. Для сушки рыбы и мяса имели другой лабаз, с четырех сторон без укрытия, чтобы продувался ветром и был доступ свежего воздуха. Верх крытый (от дождя и снега). Очень удобно иметь такие лабазы. Чтобы дети не проказничали, лестницу убирали или переворачивали ступеньками вовнутрь. Чувал (глиняная печка) был до потолка, возле него лежали дрова. Для выпекания хлеба была другая печка, которая стояла на улице. Строили ее из глины, песка, озерной травы. Низ был из бревен высотой 1 метр, дно печки засыпали песком, заливали смесью из глины и песка. Верх делали из обручей, сделанных из веток черемухи, обмазанных глиной, песком и травой. Топили 1 час, полтора часа. Затем выпекали хлеб, рыбу, варили пищу. Печь была огорожена от коров, лошадей. Так же в избушке был стол, стулья, посуда, нары с пологом.

До образования колхоза мой папа с дедом Игнатьевым Петром Ивановичем ловили петлями турпанов (жирные утки) и кормили всю деревню. Ранней весной прилетали утки, ставили на них перевесы (ловушки). Эта охота длилась неделю. Когда утки шли на спаривание, мы больше их не ловили до самой осени. Так добывали мы их только

весной. Из ружья их не били. Турпаны – очень жирные утки, из них делали утиный жир, держали его в корчагах (большая глиняная посуда). Так же варили рыбий жир, тоже хранили в глиняных корчагах. Заготавливали оленье, лосиное сало. Муку хранили в больших самодельных бочках, которые были изготовлены из бересты (береста сшивалась в несколько слоев) и крышка была сделана из того же материала. Вместо брезента у нас было сделано из бересты покрытие, которым пользовались в пути для ночлега. В летнее время устраивались под елью или под пихтой, а с пихтового дерева снимали кору, чтобы сделать укрытие. Делали балаган. Выбирали для этого такое место, чтобы можно было пожить неделю или две, ловили рыбу или ондатру. Большую часть времени находились на Нага-горте и на Шущин-туве. Обрато ехали на гребнях или я тянула бечеву, чтобы быстрее до дома добраться. Рыбу мы вялили, потрошили, развешивали над костром, над дымом, чтобы мухи не садились и не портили рыбу. Эту рыбу мы ели даже сами. Сухую рыбу убирали в мешки, и она хранилась под навесом. Выбор рыбы был большой и для еды и для зверофермы. Так как я была всех старше из детей, то мне приходилось этим заниматься. Валю с собой отец не брал, ей это было не под силу.

Папа охотился от дер. Шухтунгорт. Первая избушка была в 10 км от деревни. От нее идешь или едешь на собаках до второй избушки (вернее барака). Это угодье все идет по Узюм-Югану (Узюм-Ехан). Когда ходили летом до барака, то несколько раз выходили к реке Узюм-Юган. Очень красивые места. Барак стоит на пригорке около озера. В нем ловили карасей зимой и летом. В верховье Узюм-Югана папа добывал рыбу хариус. Очень вкусная рыба без костей, только один хрящ. Зимой ели ее сырой (делали строганину). Мама пекла из нее пироги. Вот в таких местах папа охотился.

Папа не был любителем выпить, не пил водку, как, например, мамин отчим Марсынов Сидор Романович, Маремьянин Михаил Алексеевич и Марсынов Петр Романович, который был во время войны председателем колхоза на Нерге Малистратов В.П., в том числе и поэтому они были к начальству ближе. А с отца требовали план по пушнине, рыбе, ягодам, орехам. Он был не угоден начальникам. Ох, как мучили моего папу и всех нас, гоняли то в колхоз, то на зиму в ПОХ. Нормально в эти годы не жили, скитались, не лучше ссыльных (украинцев, белорусов, калмыков). Одевались

плохо. Мама шила нам чирки-нир (летняя обувь), а зимой тупры из оленьих лап (камусы). Вот в такой обуви и ходили.

Период коллективизации.

До 1940 года на Нерге образовался колхоз, вот всех малососьвинских хантов собрали в одну деревню Нерга. Каждое лето моих родителей **гнали** в колхоз на рыбалку, то на Мухтумюхан, то в Игрим. Или всей семьей в Игрим едем, а в сентябре возвращаемся обратно в Шухтунгорт. Все «прелести» коллективизации мы испытали на себе. Многого лишились. Бедствовали.

1940 год.

Еще в 1940 году в Шухтун-Курте создали заповедник. Открылось промохотхозяйство. Мама работала уборщицей у Васильева В.В., а папа был на разных работах. В то время держали лошадей, делали колданки (лодки), неводники (большие лодки) для перевозки грузов по р.Сосьва. Гнали деготь, смолу. Драли бересту с берез, а затем вывозили на колданках эту бересту на смолокурку.

В те годы в Шухтункурте были школа, интернат, больница, пекарня, почта с рацией, склады, баня, двухэтажный дом.

Несколько раз мой папа был сопровождающим проводником. Остались отзывы о его добросовестности, честности, чуткости и отзывчивости.

Я ни разу не видела, чтобы он занимался шаманством. Может потому, что была в то время комсомолкой. Может быть, на своих угодьях он и шаманил. Когда шел на охоту, то ставил застолье духам для удачи, чтобы была хорошая добыча на охоте. Что было у папы для обрядов и охоты, то все растащили приезжие после его смерти. Я видела образ женщины (деревянный идол в женском облике) у Костиных в кладовке. Почему-то она была голой, на ней ничего не было. Но она должна быть одетой. Видимо одежду с нее сняли, забрали себе. Много чего было, но по разговорам поняла, что все отправлялось в Москву и Санкт-Петербург в музеи. Пока мы жили в Шухтунгорте, из лабаза ничего никто не брал. После нашего отъезда растащили из лабаза все. У нас оставались: швейная машина, самовар на 10 литров, глиняные корчаги – 3 штуки, медные котлы в которых варили мясо.

Мама с сыновьями (уже взрослыми Володя и Саша) пока зимовали в Игриме, а вернувшись летом в Шухтунгорт, ничего не нашли.

В Шухтунгорте оставались сестры Игнатьевы Анна и Евдокия, у которых была сохранена наша старинная посуда.

Тяжелые годы войны.

В 1941 году, как я помню, уезжали на фронт мужчины. Было лето. Их вывозили на большом неводнике. Сделан неводник из досок. В верховье Малой Сосьвы всех мужчин взяли на фронт. Были русские, украинцы, татары, ханты, манси. Остались одни старики, дети, женщины. Оставшимся нужно было выполнять план по пушнине, рыбе, мясу – сдавать государству. Моего отца два раза отправляли на фронт, но по каким-то причинам возвращали. Наверное, он нужен был на месте как проводник.

В 1941 году меня взяли в школу (Нергинская начальная школа), где я училась, видимо, так себе, до 1948 года. Родители по осени не отпустили меня в школу, так как надо было помогать осенью, то ягоды собирать (для плана) или сидеть с младшими дома. Приходилось жить у бабушки на Нагагорте, помогать плести нити для сетей. Нитки или веревки делали сами, т.к. купить было негде и не на что. Делали из крапивы. Осенью бабушка косила косой крапиву, затем сушила ее. Потом обухом топора или молотка выколачивала стебель крапивы, трясла ее от трухи и оставалась нить крапивная, которую затем с бабушкой плели через колено. Нитку или веревку. Ею шили обувь, чулки выше колен для себя и для мужчин (для тепла). Крапивы много нужно было заготовить на две семьи (для нас и для бабушки с дедом). И еще делали тетиву для сетей. Для берестяных изделий также шла крапивная нить. Для других дел, для тонкого шитья папа привозил нитки из Березово или Шеркал.

Керосину тоже было не достать. Сидели при лучине или с открытыми дверцами печки, топили чувал, чтобы только было светло. Делали лучинки из березового полена, много нужно было лучинок. Папа с охоты приходил, снимал шкурки с добытых животных: с белки, с песца, с лисы, с росомахи, с куницы, с собаки, с ондатры (по сезону). Зимние дни короткие, приходилось жечь много лучинок. С рыбьего жира делали светильники, правда, видно было только возле стола. В жестянке делали дырочку, затем просовывали тряпочку в эту дырочку,

получался фитиль. Горел он не ярко, но надо было снимать шкурки, доводить до конца работу.

В военное время папа с мамой охотились, а я с младшими сестрами и братьями сидела дома. Осенью собирали ягоды, орехи, которые входили в план отцу и матери. Если план не выполнялся, тогда сидели без муки, без кожи (для обуви), без боеприпасов. Кроме пушнины еще нужно было сдавать дичь боровую, перо тоже входило в план, сливочное масло. Но родителям приходилось его покупать в магазине и сдавать государству как свое.

Если было время мы с мамой ходили к Костиным (начальник ПОХа) стирать белье, мыть полы, за это нам давали ношенную одежду или тряпки. Еще менялись, если папа приносил лося или оленя, обменивал на хлеб. Хлеб нам давали по 300 грамм на человека. А когда мама отказалась идти работать в колхоз, его нам и вовсе не давали. А не поехала мама в колхоз по той причине, что было уже четверо детей и из-за парализованной матери, которую привез ей отчим.

А ведь до образования колхоза у нас был свой дом, который построили приезжие плотники, колхоз его забрал. Были у папы три лошади, и тех колхоз забрал. Пришлось нам жить в дедовом домике (Игнатьева Александра Александровича).

Папа мой не был грамотным, плохо говорил по-русски. Соблюдал хантыйские обычаи. Может быть, поэтому над ним смеялись и издевались. Дома почти не находился, все время был в лесу: зимой охотился, летом – рыбачил. В военные годы гоняли его, то на Нергу, с Нерги в - Игрим. А вместе с ним скитались, кочевали везде и мы. Нужно было выполнять государственный план. До 1945 года Костин А.Г. (директор ПОХа) гонял нас из Шухтунгорта, как собак. В 1942 году родила мама Колю, с нами уже не поехала, да еще бабушку привез Сидор Романович (отчим) парализованную.

Голодные послевоенные годы.

А в 1948 году родился еще один сын – Саша. И с тех пор мы уже не уезжали из Шухтунгорта. Папа еще в 1948 году ездил в Игрим на рыбалку от колхоза Нергинского (Нергинский колхоз имени Чапаева В.). Осенью 1948 года папа больше не пошел в колхоз, остался в Шухтунгорте в ПОХ – охотился, летом рыбачил для зверофермы: для чернобурых лисиц. Мама работала на звероферме разнорабочей:

зимой возила сено, дрова (пилила дрова сама для зверофермы и конторы). Зарплата была маленькая.

Папа охотился. Охота начиналась с сентября месяца. Ставил слопцы. На боровую дичь, с сентября по февраль охотился, а потом рыбачил. В 1946-47 г. я ездила ловить живых ондатр, для размножения в других районах.

Очень было тяжело жить. Не было одежды, обуви. Спали на оленьих, лосиных шкурах (не было постельного белья). Мама и я ходили к людям, стирали белье, мыли полы. За это нам давали что-нибудь. Особенно нуждались в хлебе и одежде. Ходили в рваных платьях, а сестричка меньше меня (Валентина) ходила в папиных рубашках. Была карточная система. Папа не был колхозником, нам не давали карточки на хлеб. Но мясо, рыба, дичь были – этим и спасались.

В летнее время вялили, сушили на зиму рыбу для всей семьи и для собак. У папы были ездовые собаки. Мне, как самой старшей из детей, приходилось ездить с папой на рыбалку и охоту.

Отец мой дорогой, родной... Очень-очень я его любила и до сих пор его жалею: как бедный трудился и как над ним издевались!

Однажды я и папа пошли за сухим мясом в барак. Это было в 1946 году, летом, хлеба нет. Папа достал из берестяной бочки, где лежала мука, кусочек хлеба заплесневелый, муки было мало. И с этим кусочком хлеба мы попили чай, чай был из чаги, сахара не было. Так было вкусно, хоть хлеб был и заплесневелым. Где был сильно испорчен, папа съел сам, а мне выбрал кусочки получше. Дошли до барака за один день: летние дни были длинные. В бараке мы переночевали, на другой день пошли обратно в деревню, т.к. дома было нечего кушать, только сухая рыба. До отхода в лес я у тети Лизы Кеушковой (Логуновой) на терке терла картошку, отходы от картошки отдваали мне. А дома мама добавляла в отходы немного муки, делала лепешки. Часто ходила я к т. Лизе и другим людям тереть картошку и за это давали мне отходы (1947-48 год). Это были голодные годы. Папа ездил с двумя детьми (Колей и Валею) в колхоз на рыбалку в Игрим, на Нергу. А я с братом Володей часто ходила удить рыбу на питомник.

С 1947 – 53 годы я приезжала домой на каникулы, приходилось работать в ПОХе: ездили то за грибами, то на покос.

Работа на звероферме.

В октябре 1957 года меня приняли работать на звероферму в Шухтунгорское ПОХ (промхозотделение) звероводом. На звероферме я проработала до 10 марта 1996 года. С 1996 года всех начали вывозить за пределы Шухтунгорта. Несколько семей вывезли в п.Полноват, других – в Игрим и др. населенные пункты. Причина до сих пор неизвестна.

Директором Полноватского ПОХа на тот период был Исаев Сергей Павлович. При его руководстве был порядок, рабочие не пили, не прогуливали. Работала своя электростанция, пилорама, аммиачный холодильник, водокачка. Держали лошадей. ПОХ был самым богатым. Зверей привезили из Эстонии (черно-бурые лисы). 18 отделений, в каждом отделении было 80 самок, 20-25 самцов – это основное поголовье на одного зверовода. А затем и их приплод, который составлял 250 штук как минимум. Иногда доходило до 350-400 штук (вместе со взрослыми песцами и их щенками). Тяжелый труд... Он был ручным. Гон начинался с января месяца, щенение - в марте, забой – в ноябре, декабре. Забой, снятие и обрабатывание шкур производили сами звероводы с рабочими. В период забоя не знали ни выходных, ни праздников – все было по распорядку. Пушнину нужно было сдавать точно в срок и без брака.

Во время гона, щенения каждый зверовод следил за зверями: чистые клетки, посуда. Зверей кормили 1 раз в сутки. А в период беременности самок был дополнительный подкорм самок. Во время щенения кормежка шла 2-3 раза в день. Чистили клетки от нечистот, вымывая поддоны. Корм разносили на руках, в коромыслах. Тележек не было. Готовили гнезда и домики для самок к щенению, утепляли сеном, чистили дорожки от снега зимой, убирали снег с домиков. Работы хватало, особенно во время буранов. Зимы были снежными и холодными. И летом в жару трудились так же, не покладая рук.

После Исаева Сергея Павловича директорами были: Ромашко, Гребеньков, Филипров и «...еще кто-то (я уже забыла)...». В этот период в стране началась неразбериха, страна развалилась, распадались хозяйства, все. Сгорела звероферма. Сгорели архивы, контора. Все развалили, растащили. Рабочие, которые трудились на этой звероферме - бедствовали. До сих пор непонятно как здание из бетона могло загореться и сгореть за обеденный перерыв. При наличии постоянного дежурства звероводов, которые сдавали дежурство друг другу. А вечером дежурство принимали сторожа. Предполагается, что контора была намерено сожжена. По- моему

мнению, кто-то сжег эту контору. Конечно, это я предполагаю. По этой причине я не могу взять справку о заработной плате со зверофермы. Поэтому пенсия моя мала. ...Жизнь была нелегкой, нужно было много трудиться, чтобы хоть как-то выживать. Детей приходилось бросать, как щенков. Как они у меня выросли, один Бог знает. Всех четверых на ноги поставила, никто из них в интернатах не находился...все, слава Богу, получили профессии... У них у всех свои семьи, дети...».

Заключение.

Род Игнатьевых.

Правда или вымысел?

Жизнь не останавливается. Одно поколение сменяет другое. Мы теряем свои корни, глубоко уходящие в прошлое, зачастую редко кто знает своих прабабушек и прадедов. Мы не знаем, как они выглядели, где и чем жили – какой генофонд нам передали через века. На какую бабушку в седьмом колене мы похожи, или от какого дедушки в 12 колене, например, получили в наследство суровый нрав? Кто мы, чьих кровей? Мы об этом не задумываемся... Если только не повезет и вас не будут разыскивать, как потомка древнего рода. Согласитесь, приятно чувствовать себя частичкой большой известной, знатной фамилии. Например, древнего дворянского рода Игнатьевых. Несколько лет назад Игнатьеву Елизавету Ефимовну разыскивала некая госпожа Игнатьева, проживающая в г.Москве, которая является представителем древнего известного рода Игнатьевых. Она ищет потомков своего предка, которого в 1760 году сослали в Западную Сибирь, ее расследование, длительный поиск привел к нашей Елизавете Ефимовне. Есть предположение, что наша бабушка из Шухтун-Курта является потомком древнего дворянского рода. Как доказать родственные связи, настолько глубоко уходящие в глубь истории, мы не знаем, но материал о роде Игнатьевых мы предлагаем Вашему вниманию для всеобщего развития, анализа и, может быть, споров.

Приложение №1

Жители Шухтун-Курта.

Много семей проживало в Шухтунгорте: Черезовы, Овсянкины, Изалева (2 брата), Переваловы, Доронины, Вохоныны (муж – продавец, жена – фельдшер), Типсин Петр Евгеньевич, Лихачев с семьей, Ксущков Савелий Семенович (заготовитель пушнины), его

жена – Елизавета Семеновна (охотница), братья Малистратовы (Николай и Василий) Петровичи. Один из них женился на Аристарховой Анастасии Васильевне (их дети и внуки живут в Игриме). Аристарховы: Василий, жена – Мария Даниловна, два сына (убиты на фронте), один сын вернулся, женился на Полинарии Марковне Ратеевой.

На Нагакурте тоже жили охотники – братья Марсыновы:

1. Марсынов Сидор Романович;
2. Марсынов Петр Романович (был председателем в Нергинском колхозе имени Чапаева до 1950 года).

Три брата Марсыновых:

1. Марсынов Михаил Николаевич;
 2. Марсынов Егор Николаевич;
 3. Марсынов Дементий Гаврилович
- (Все были взяты на фронт, не вернулись).

У Михаила Николаевича осталась дочь – Немдазина Елизавета Михайловна (проживает в п.Полноват, внучка Надя проживает в Игриме).

А на Нерге жили все Лырщиковы.

1. Дед – Лырщиков Семен (?);
Бабушка – Татьяна (?);
Их дети: Егор Семенович (погиб в ВОВ) и Мария Семеновна.
2. Дед – Лырщиков Спиридон Прокопьевич;
Бабушка – Лырщикова Евдокия (?);
Дети: Лырщиков Федор Спиридонович (вернулся с ВОВ весь раненый, с одной ногой, ходил с костылями);
Дочери: Ксения, Татьяна, Катерина, Лиза (которая работала мед.сестрой в Игриме, сейчас на пенсии в Тюмени).
3. Лырщиков Леонид (?);
Лырщикова Марфа (?);
Дети: Лиза, Феня,
Внуки живут в Игриме.
4. Лырщиков Василий (?);
Лырщикова Евдокия Гавриловна,
5 сыновей и 2 дочери:
Старший сын – Михаил Васильевич также был многодетным (3 сына, 2 дочери);
Из них осталась одна – Пузина Светлана Михайловна (живет в Игриме);

Сын – Иван Васильевич (умер в п.Светлый);
Его жена – Марфа Ивановна (моя родная тетка, умерла в п.Светлый);
Елизавета Ивановна Алсуфьева (умерла в п.Светлый);
Сын – Андриян Васильевич (умер в Игриме);
Жена Анастасия
Их дети:
Аркадий (?) (живет на Нерге);
Дочери: Аня, Таня, Света (живут в Игриме);
Сыновья: Семен Васильевич;
 Борис Семенович;
Дочь – Аграфена Васильевна;
(Их дети живут в Игриме).
Дочь – Вера Васильевна (ее дочь Светлана живет в Игриме).
5. Лырщикова Ефросинья;
Дети: Наталья, Данил и один приемный сын Максим Лырщиков (его
дети Даниил и Надя живут в Игриме);
6. Маремьянин Михаил Алексеевич;
Жена Орина (Ирина) с Хангакурта;
7. Смолин Григорий Прокопьевич со своей семьей был перевезен на
Нергу из Тунзенкурта;
Жена – Мария Ефимовна;
Сын – Прокопий Григорьевич (умер);
Дочь – Татьяна Григорьевна Аксенова (живет в п.Полноват с сыном, а
дочь с внуками живет в Игриме);
Дочь – Надежда Григорьевна (живет в Игриме с дочерями);
Дочь – Елена Григорьевна (живет в г.Югорске с дочерями);
Из Шухтунгогрта в колхоз переехала Езина Матрена Тимофеевна с
детьми;
муж погиб или умер (неизвестно);
Сын Николай был болен, лежал в п. Березово, там и умер в 1942-43 г.;
Сын Евгений учился в Новосибирске в авиационном училище (там и
живет);
Дочь Наталья (умерла в Игриме, есть дети). О них знает моя сестра
Валентина Кличкова.
Все данные находятся в Игримском с/совете.

Используемая литература.

1. Васин А.М., Васина А.Л. «Малая Сосьва» - Государственный народный заповедник (фотоальбом), М. «Унисерв», 2000 г.
2. Конквист Р. «Террор голодом», С-Пб. 1994 г.
3. История России. 20 век: Школьная энциклопедия. М. 1997 г.
4. Отечественная история: Энциклопедический словарь юного историка. М., 1997 г.
5. Интернет – информация. Игнатьевы на сайте «Всероссийское генеалогическое древо».
6. Личный дневник Е.Е. Игнатьевой.
7. Н.Н. Баранов, С.В. Дашков «История ХМАО с древности и до наших дней», Екатеринбург НППМ «Волот» 1999 год.
8. Л.В. Кашлатова «Русско-Хантыйский словарь с картинками (среднеобский диалект)», Ханты-Мансийск 2010 год.

Из воспоминаний Веры Михайловны Нюхаловой (Коптеловой):

«Папа родился 5 ноября 1925 года в деревне Луговая-Ава Омской области. Он, как и многие, воевавшие на передовой и выжившие, не любил рассказывать о войне, тяжело им было вспоминать то страшное время.

Война началась, когда папе было 15 лет. Просился на фронт добровольцем, его не брали, говорили надо подрасти немного. В 1942 году папу – Коптелова Михаила Григорьевича, все же призвали, он ушел добровольцем, как только ему исполнилось 17 лет.

Семнадцатилетний паренек рядовой Коптелов с марта 1943 года по октябрь 1943 года воевал на полях сражений в рядах 595 стрелкового полка 188 стрелковой дивизии Первой Ударной Армии на Северо-Западном и Втором Украинском фронтах. Участвовал в сражениях под Смоленском, Курском, Малой Руссой.

Под Старой Руссой тяжело раненого, побывавшего под немецким танком и засыпанного землей в окопе после очередного боя, папу спасли. Контуженный, он пролежал в госпиталях. Вернулся домой в январе 1944 года.

Их много доблестных сынов Отчизны, богатырей и многие из них получили высокие награды, в их числе и наш отец, дедушка и прадедушка Коптелов Михаил Григорьевич, который имеет медали: «За победу над Германией», «Медаль Жукова», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», два Ордена Отечественной Войны.

В июне 1944 года они поженились с мамой - Лавреновой Пелагеей Илларионовной. Осенью 1951 года семья переехала в д. Шухтунгорт. У мамы, вырастившей и воспитавшей семерых детей, тоже были медали «Материнской славы». Всем детям родители дали среднее профессиональное, а пятерым из нас и высшее образование. В Шухтунгорте отец работал председателем Шухтунгортского сельского Совета и заготовителем промхототделения.

Я и все мои сестры, внуки и правнуки гордимся своими родителями. Вечная им память и огромная благодарность".

<https://arhivugra.adhmao.ru/istoriya-yugry-v-arkhivnykh-dokumentakh/istoriya-berezovskogo-rayona-v-arkhivnykh-dokumentakh/virtualnaya-vystavka-portret-veterana/395219/koptelov-mikhail-grigorevich>

Вера Нюхалова. «А я живу в Березовском районе».

Малая Сосьва (Шухтунгорт)

Я родилась на поле, где синют
Среди колосьев хлеба васильки.
Росла в тайге – владеньях Берендея
Под шумы переката у реки.

Края забытые мне только снятся,
Где Малой Сосьвы вьётся поворот,
Где косы белого песка искрятся,
Заброшен мой поселок Шухтунгорт.

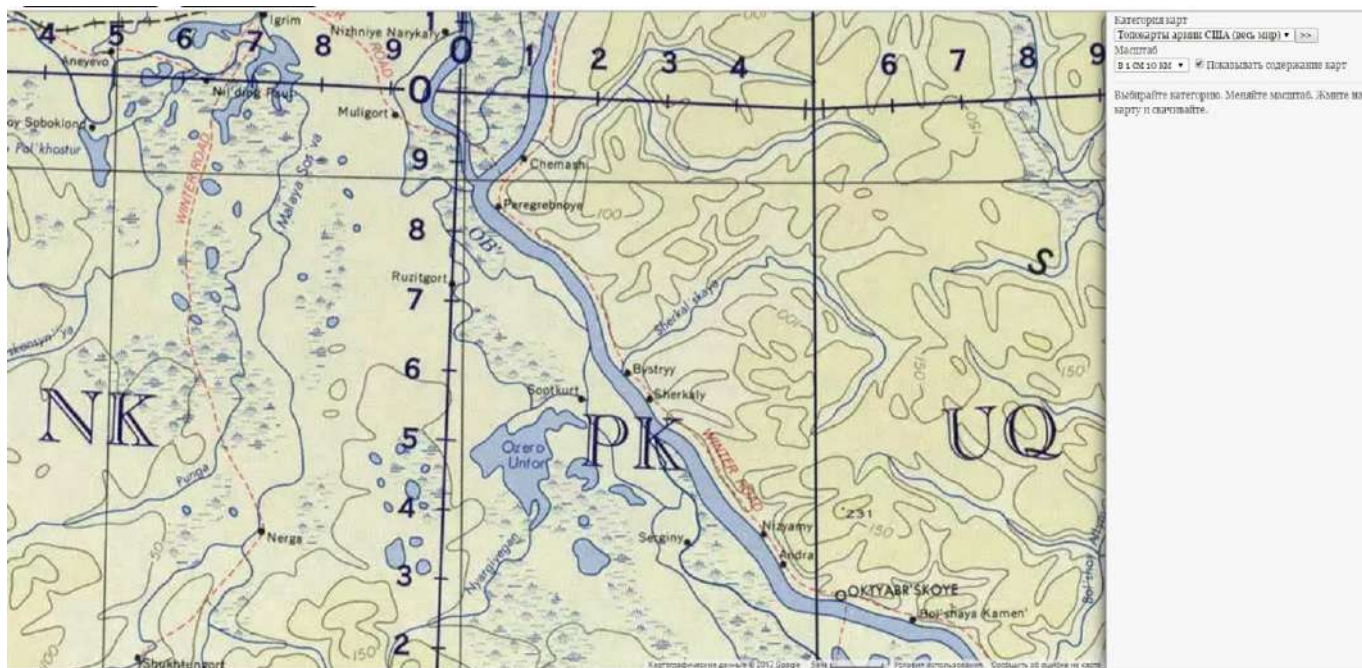
Где часто мы на лодочке-колданке,
Как повелось, за шишкой, на покос
Двухлопастным веслом уж спозаранку
Гребли десятый и тридцатый плес...

Какая тишь на реченьке таежной,
Лишь только там иль тут разбудит гладь
Серебряная рыбка, что, возможно,
С лучом решила солнца поиграть.

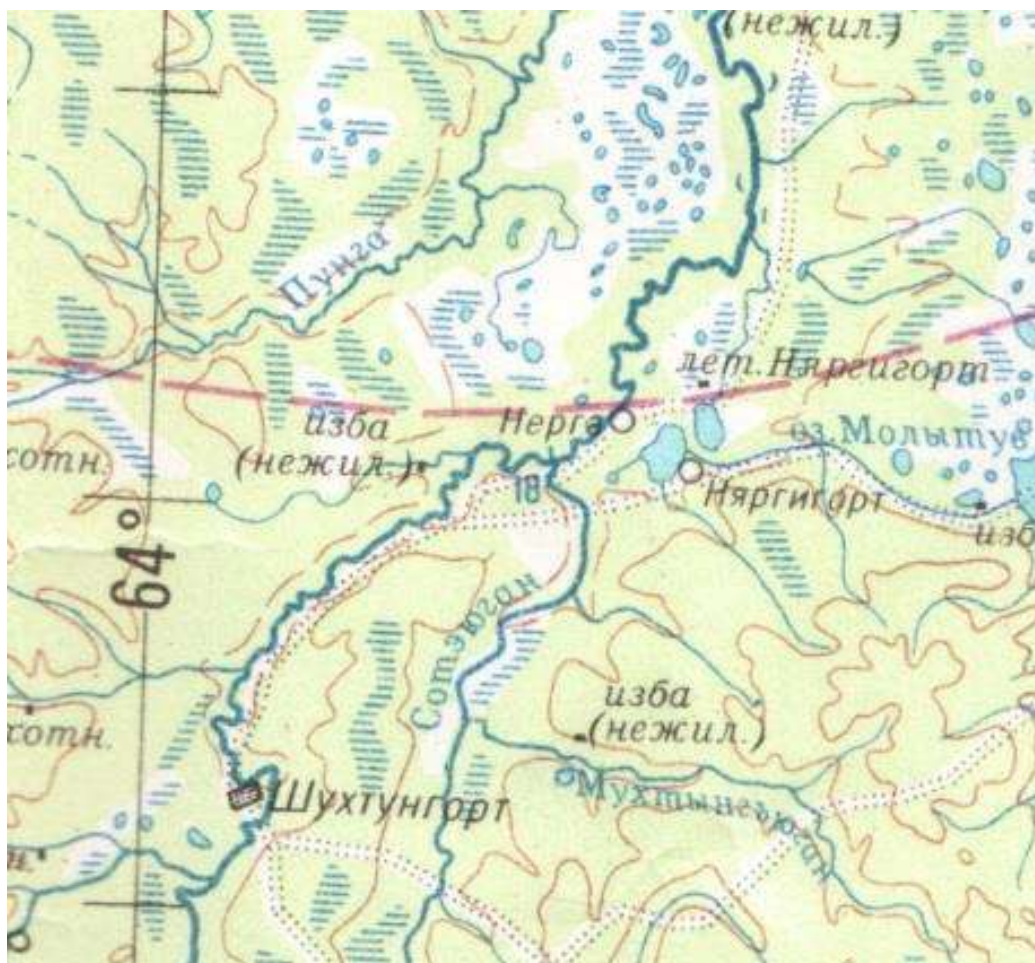
А к вечеру, под треск костра, шум леса.
Где запах дыма, хвои и травы,
Гляжу в огонь, что льется в поднебесье,
Боясь коснуться неба синевы...

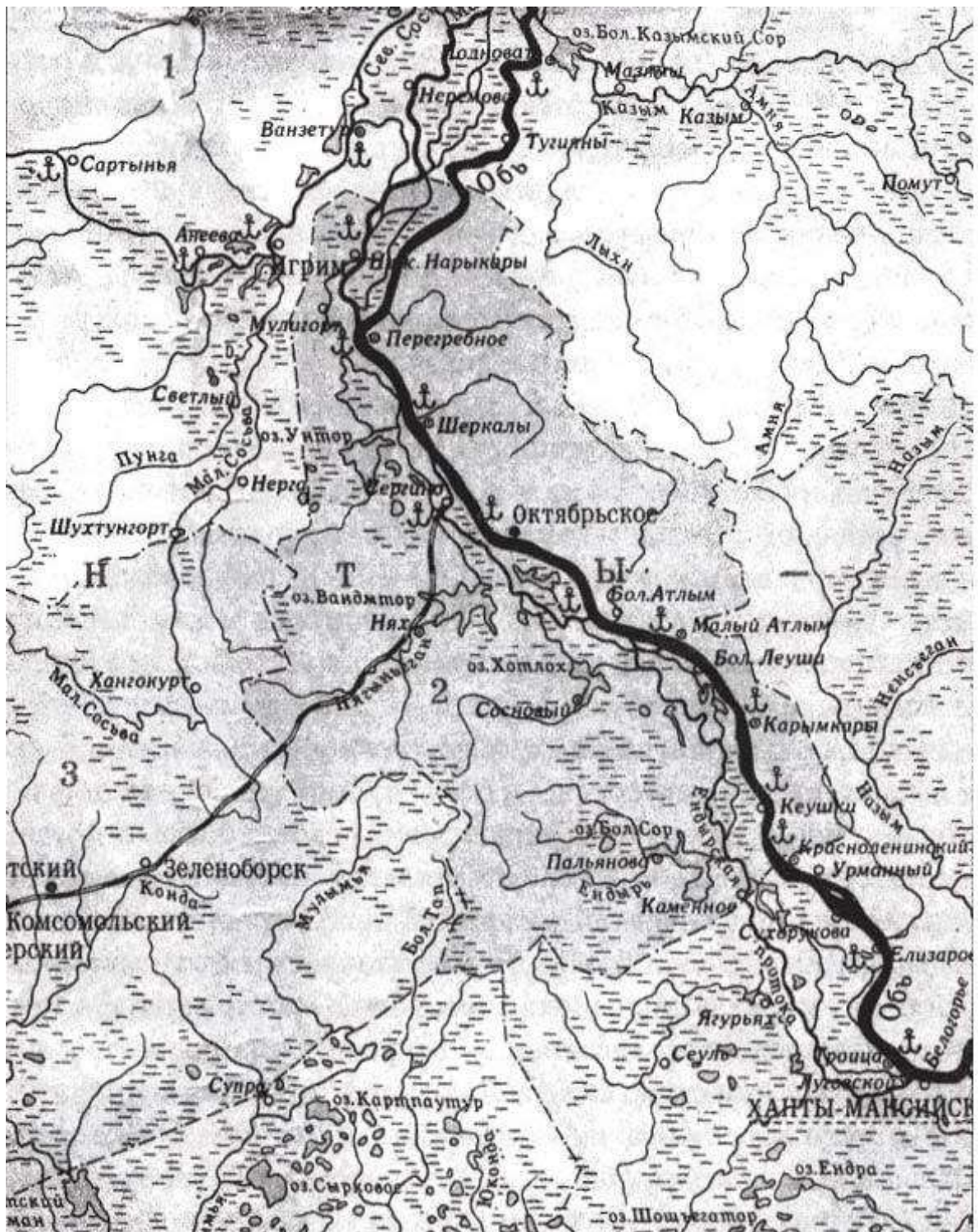
Карта 1933 г. Из фондов Березовского районного архива.

Карта 1957-58 гг

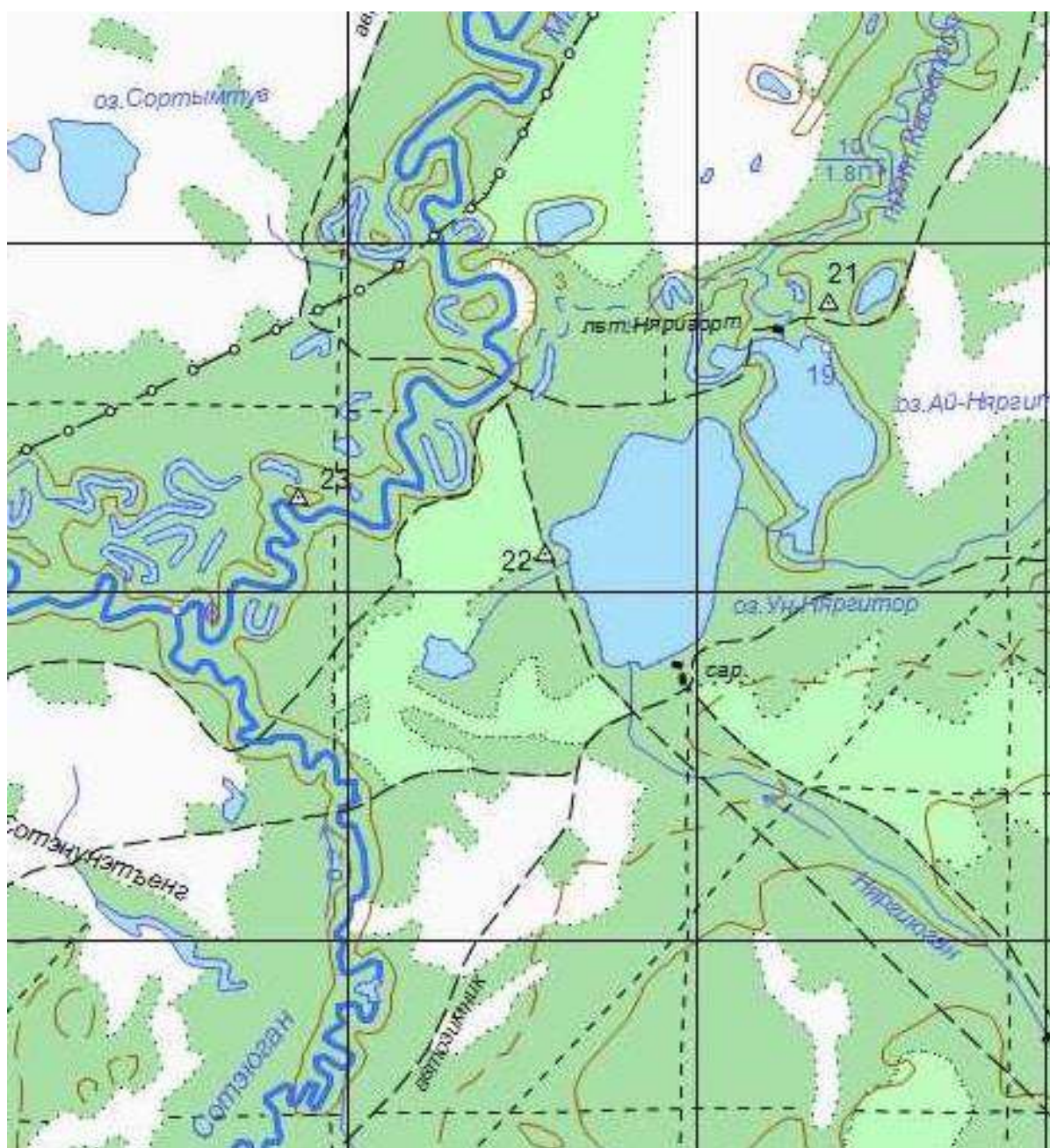

Карта 1968 г.

Зауральское Приобье (карта 1970-х гг.)

Из книги Ф. Р. Штильмарка НА СЛУЖБЕ ПРИРОДЕ И НАУКЕ

Современная карта района

Дело № 21
 на 1935 года
 Домохозяйственные книги
 Приобского музеевского
 сельского Совета
 /учет населения и скота/
 на 1 мая 1935 г.
 на 32 листах

БЕРЕЗОВСКИЙ РАЙОН	
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ	
Фонд №	14
Опись №	1
Ед. хр. №	6

27	3	1	4	2	-	-
28	2	1	3	2	-	-
29	1	3	4	2	-	-
30	-	1	1	1	-	-
78 68 141 79 <u>Юрты Нерга № 2</u>						
1	2	3	10	7	-	-
2	2	3	5	2	-	-
3	2	1	3	1	-	-
4	6	5	11	4	-	-
	17	12	29	14		

Семейный учет № 33
 Семейный учет Катков

Категория	Всего	В том числе			
		Время	Время	Время	Время
Семейный учет Катков № 1	2	4	3		

Из фондов Березовского районного архива.

14. Шухтункуртский избирательный округ
 (центр пос. Шухтункурт)
 населенные пункты: пос. Шухтункурт, ю. Нага-Курт, Нергинские, Сара-Курт, Хонга-Курт, Еман-Курт,

Газета «За большевистские колхозы» № 125-126(427-428) Постановление Президиума Березовского сельского Совета Березовского района Остяко-Вогульского национального округа Омской области Об избирательных округах по выборам в сельский Совет депутатов трудящихся с. Березово 27 октября 1939 года.

Фото из архива
 Огневой
 (Усольцевой) Клары
 Севостьяновны

Зина Тарханова с мамой

Тархановы 1.5.56 г.

Из семейного архива Сусловой (Тархановой) З.А.

**Фотографии из исследовательской работы
«Шухтун-Курт – родина моя...»**

*Строительство Шухтунгорта при Кондо-Сосьвинском
заповеднике. 1930 г.*

Юрты Шухтунгортские. 1935 г.

Школа-интернат. Шухтунгорт 1935 г.

Ученики школы-интерната в Шухтунгорте. 1935 г.

Жители Шухтунгорта

Жители Шухтунгорта. 1935 г.

Празднование 1-го мая. Шухтунгорт 1935 г.

Демонстрация 1-го мая. Шухтунгорт 1935 г.

Ефимья Дунаева (1940 г.)

Игнатъева Елизавета Ефимовна 1932 года рождения. Уроженка Шухтунгорта.

Шухтунгорт